DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-5-12-18

Государственная молодежная политика и ее роль в социальном развитии

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕРЕЗУТСКИЙ, **кандидат социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией**
Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33). E-mail: uriy-dvags@yandex.ru

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЙКОВ, **доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории**
Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33). E-mail: nmbaikov@rambler.ru

Аннотация: В статье представлен анализ государственной молодежной политики как инструмента влияния на состояние и социальное развитие молодежи, ее социальную активность. Обозначены противоречия, которые существуют между показателями эффективности, декларируемыми государственной политикой, и реальными проблемами молодежи, детерминированными условиями жизни. На основе результатов всероссийских и региональных социологических исследований и данных статистики обосновываются мотивы миграционных перемещений молодежи с территорий проживания в центры притяжения страны и зарубежные государства, имеющие в представлениях молодежи более привлекательные условия жизни и занятости. На примере Дальнего Востока России обосновываются дисфункциональные последствия от заложенного в государственную молодежную политику канцелярско-бюрократического подхода к определению количественных показателей состояния молодежи, игнорирующего ее масштабный миграционный отток с территорий проживания. Предложены научно-практические рекомендации по совершенствованию показателей государственной молодежной политики, способствующие усилению ее роли в обеспечении базовых потребностей молодежи в различных сферах жизнедеятельности, особенно в развитии молодежного предпринимательства.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь, социальное развитие, социальная активность, миграционная активность, Дальний Восток России

Статья поступила в редакцию 12 ноября 2019 года.

Березутский Ю.В., Байков Н.М. Государственная молодежная политика и ее роль в социальном развитии. *Государственная служба*. 2020. № 5. С. 12–18.

STATE YOUTH POLICY AND ITS ROLE IN SOCIAL DEVELOPMENT

YURI V. BEREZUTSKIY, **Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of Research Laboratory**
Far-East Institute of Management – branch of the RANEPA (33, ul. Muraviova-Amurskogo, Khabarovsk, Russian Federation, 680000). E-mail: uriy-dvags@yandex.ru

NIKOLAY M. BAYKOV, **Dr. Sci. (Sociology), Professor, Chief Researcher of the Research Laboratory**
Far-East Institute of Management – branch of the RANEPA (33, ul. Muraviova-Amurskogo, Khabarovsk, Russian Federation, 680000). E-mail: nmbaikov@rambler.ru

Abstract: The article presents the analysis of the state youth policy as an instrument of influence on the state and social development of youth, its social activity. The contradictions that exist between the performance indicators declared by the state policy and the real problems of youth, determined by the living conditions, are indicated. Based on the results of all-Russian and regional sociological studies and statistics, the motives of migratory movements of youth from their territories of residence to the centers of gravity of the country and foreign countries that have more attractive living and employment conditions for youth are justified. Using the example of the Russian Far East, the dysfunctional consequences of the clerical-bureaucratic approach laid down in the state youth policy to quantify the state of youth ignoring its large-scale migration outflow from the territories of residence are substantiated. Scientific and practical recommendations on improvement of indicators of the state youth policy promoting strengthening of its role in providing the basic needs of youth in various spheres of activity, especially in development of youth business are offered.

Keywords: state youth policy, youth, social development, social activity, migration activity, Far East of Russia

The article was received on November 12, 2019.

Berezutskiy Y.V., Baykov N.M. State youth policy and its role in social development. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2020. No 5. P. 12–18. In Russian

Введение

Молодежная политика представляет собой одну из важнейших отраслей деятельности государства ввиду особой специфики ее объекта – молодежи как большой социальной группы. В силу своих социально-демографических, физиологических, психологических, экономических и других характеристик и свойств она обладает потенциалом преемственности и инновации для настоящего и будущего развития общества. Неслучайно в стратегическом государственном документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» сделан особый акцент на роли молодежи в будущем развитии страны: «глобальные тенденции убедительно доказывают, что стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь»[1].

Выступая одновременно объектом и субъектом государственной молодежной политики, молодежь играет ведущую роль в усвоении норм и ценностей российского общества и их воспроизводстве для будущих поколений. Это актуализирует необходимость социологического анализа влияния государственной молодежной политики на состояние и социальное развитие молодежи, определения ее ключевых («болевых») показателей, детерминирующих характер общественных процессов в стране.

Удовлетворенность молодежи как условие ее интеграции в социально-территориальное пространство регионов

Мониторинг состояния молодежи через анализ ее ценностно-мировоззренческих установок и социального поведения (поступков, дел) в контексте условий, созданных обществом и государством для ее взросления, позволяет оценить сущность и влияние государственной молодежной политики. Как подчеркивал один из авторитетных российских социологов по молодежной политике И.М. Ильинский: «исходя из идеологии, которая доминирует в обществе, можно определить тип молодежной политики. И наоборот: по характеру и типу молодежной политики можно судить о том, какова идеология того или иного общества и государства на самом деле в отличие от декларируемых целей и задач» [Ильинский, 2001. С. 579]. Отсюда важная задача мониторинга заключается в анализе целевых установок, реализуемых молодежной политикой и их отражении в сознании молодежи.

Анализ программных документов органов власти, реализующих государственную молодежную политику, демонстрирует ограниченные возможности влияния этой политики на молодежь. В своей основе она реализует преимущественно канцелярско-бюрократический подход к субъекту и объекту своего влияния через организацию разноплановых мероприятий. Государственно-политический подход, базирующийся на системе идей, ценностей и концепций мировоззренческого плана, отражающий реальные потребности молодежи, по сути, игнорируется. Чиновники от государственной молодежной политики в большей мере озабочены показателями оценки своей значимости, чем решением политическими методами насущных проблем различных социальных групп молодежи. Как следствие методологической неопределенности и декларативности, государственная молодежная политика не оказывает существенного влияния на интеграцию подрастающих поколений в российское общество на основе формирования и укрепления солидарных социальных связей и сдерживания разрушительных сил индивидуализма «рыночно-эгоистического» типа.

Так, уровень благополучия, успешности развития любой территории (страна, регион, населенный пункт) оценивают по самым различным показателям и индикаторам, которые, по большому счету, позволяют выстраивать основные направления социально-экономической политики развития территории. От того, какими эти показатели будут (количественными или качественными, формальными или реальными, имитационными или действующими), будут зависеть подходы и меры по их достижению. А, следовательно, и эффективность самой государственной политики.

Если проанализировать систему ключевых показателей реализации государственной молодежной политики в России и субъектах Федерации на 2019 год и плановые мероприятия на 2020–2021 годы[2], то следует сделать главный вывод о том, что они исключительно формальны, имеют сугубо количественное (не смысловое, не ценностное, не качественное) выражение. Они слабо коррелируют с реальным состоянием и развитием молодежи, решением актуальных для молодежи проблем. В целом следует сделать вывод о реализации сугубо «мероприятийного» подхода

1 Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

2 Приказ Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) от 22 мая 2019 года № 162 «Об утверждении системы ключевых показателей реализации государственной молодежной политики органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации на 2019 год и плановые мероприятия на 2020–2021 годы»; Приказ Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) от 19 сентября 2019 года № 327 «О внесении изменений в приказ Федерального агентства по делам молодежи от 22 мая 2019 г. N 162 «Об утверждении системы ключевых показателей реализации государственной молодежной политики органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации на 2019 год и плановые мероприятия на 2020 - 2021 годы»//http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=736266&dst=100012#03459947247884938.

в реализации государственной молодежной политики, неспособного, на наш взгляд, добиться качественного эффекта в решении проблем молодежи.

Отдельные мероприятия государственной молодежной политики вызывают недоумение и больше вопросов к их качеству и эффективности, поскольку сосредоточены не столько на молодежной проблематике, сколько на имидже и PR самого органа по делам молодежи. Так, целый ряд ключевых показателей эффективности государственной политики (практически 50% или 95 показателей) оценивается по «мероприятиям, направленным на увеличение уровня положительной оценки деятельности Росмолодежи» (25 показателей), «мероприятиям, направленным па повышение уровня положительной оценки степени заботы государства о молодежи» (28 показателей), «мероприятиям, направленным на увеличение доли молодежи, верящей в личностное развитие в Российской Федерации» (18 показателей), «мероприятиям, направленным на увеличение доли молодежи, верящей в социально-экономическое развитие Российской Федерации» (24 показателя).

Остальные мероприятия ориентированы на «увеличение доли граждан, вовлеченных в добровольческую деятельность» (5 показателей), «увеличение численности обучающихся, вовлеченных в деятельность общественных объединений на базе образовательных организаций общего образования, среднего и высшего профессионального образования» (15 показателей), «финансовая поддержка инициативной молодежи и НКО» (15 показателей), «обеспечение реализации государственной молодежной политики (институты; инфраструктура; коммуникации, нормативно-правовая база)» (60 показателей) и «комплекс мероприятий по приоритетному направлению текущего года» (4 показателя).

При этом проведенный анализ всех 194 показателей свидетельствует о доминировании формальных показателей в реализации государственной молодежной политики: они связаны, в основном, с участием молодежи в тех или иных мероприятиях, наличием разработанных положений и правовых актов о мероприятиях, количеством самих мероприятий (**таблица 1**).

Добавим к этому тот факт, что на федеральном и региональном уровнях исполнительной власти государственная молодежная политика осуществляется структурами, которые длительное время находятся в перманентном организационном реформировании, ограниченности финансовых ресурсов, концептуальной неопределенности полномочий и фрагментарности программного обеспечения своего влияния на состояние различных молодежных групп (например, молодые семьи, молодые предприниматели, работающая молодежь, учащаяся молодежь, творческая молодежь, молодежь, освободившаяся из мест лишения свободы, молодые инвалиды).

Проблемы молодежи особенно остро проявляются в российских регионах, где формируется и реализуется ее высокий миграционный потенциал оттока с территорий постоянного проживания в центральные регионы страны и зарубежные страны. Дисфункциональные последствия такой политики, как говорится, налицо: «опустынивание» значительных территорий страны. Так, результаты нашего исследования[3] демонстрируют желание и готовность молодежи уехать из регионов Дальнего Востока России, обусловленные множеством причин объективного и субъективного плана. Их интегральным показателем является неудовлетворенность молодежи реализацией своих базовых потребностей на территориях проживания. Причинами, по которым молодые люди не планируют оставаться на дальневосточной территории, являются низкий уровень заработной платы (45,0 %), трудности найти подходящую работу (43,8 %), неудовлетворенность материальным положением (33,1 %), отсутствие собственного жилья (25,3 %) и другие.

Резюмируя, можно констатировать, что дальневосточная молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень неудовлетворенности качеством услуг образования и медицины, отсутствием рабочих мест по специальности и достойной оплаты труда,

Таблица 1. Характеристика ключевых показателей реализации государственной молодежной политики органами исполнительной власти субъектов РФ на 2019 год и плановых мероприятий на 2020–2021 годы

Table 1. Characteristics of key indicators of implementation of the State Youth Policy by Executive authorities of subjects of the Russian Federation for 2019 and planned measures for 2020–2021

Тип показателя	Кол-во таких показателей, ед.	Доля типа показателя в общем их кол-ве, %
Участие в мероприятиях, количество присутствующих	78	40,2
Наличие положений и правовых актов о мероприятиях	31	16,0
Количество проведенных мероприятий	24	12,4
Ссылки на мероприятия в социальных сетях и СМИ	18	9,3
Количество финалистов (победителей) конкурсов	15	7,7
Количество объединений, НКО, центров	15	7,7
Количество поданных заявок, проектов, наличие форм поддержки	10	5,2
Объем финансирования	3	1,5
Итого	194	100

3 См.: *Березутский Ю.В.* Социальная активность молодежи региона: социологический анализ: Монография. Хабаровск, 2019. С. 142–143.

транспортной недоступностью центральных регионов страны и трудностью внутрирегиональных перемещений, ограниченными возможностями для интересного досуга и самореализации. При этом государственная молодежная политика находится в плену иллюзорных представлений о том, что количеством мероприятий и показателей, игнорирующих базовые потребности, ценности и мотивы различных социальных групп молодежи, можно остановить разрушительные тенденции в жизнедеятельности страны и ее дальневосточных регионов.

Благополучие и качество жизни молодежи как государственная задача

Анализ проблем и социальной эффективности государственного управления в современной России широко представлен в отечественном научном дискурсе. Не вдаваясь в их интерпретацию, солидаризируемся с мнением известного российского ученого И.Н. Барцица, делающего справедливый акцент на том, что главным критерием деятельности государства и его органов власти должны стать благополучие и качество жизни: «главное для любого государства – обеспечить благополучие и высокое качество жизни своих граждан, сформировать тот образ жизни, который будет привлекательным, прежде всего для своих собственных граждан <…> а достижение социального эффекта должно быть приоритетным для органов государственной власти» [Барциц, 2011. С. 93–98].

Именно эти ключевые показатели в целом и являются главными параметрами в международной оценке уровня жизни. На их основе определяется ежегодный рейтинг по «Индексу человеческого развития», сфокусированного на трех основных критериях: «способности вести долгую и здоровую жизнь (измеряемой показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении); способности получать знания (измеряемой средней продолжительностью обучения и ожидаемой продолжительностью обучения); способности достигать достойного уровня жизни (измеряемой показателем валового национального дохода на душу населения)»[4]. В первую десятку стран с очень высоким уровнем человеческого развития в 2018 году вошли Норвегия, Швейцария, Австралия, Ирландия, Германия, Исландия, Гонконг, Швеция, Сингапур, Нидерланды. Россия занимает лишь 49 позицию среди 189 стран.

Специфика реализации молодежной политики в странах с высоким уровнем развития человеческого потенциала проявляется в том, что в большинстве из них молодежь определяется объектом ее приоритетного влияния. При этом акцент делается на повышении уровня жизни, достаточном финансовом обеспечении молодежной политики, ее децентрализации, развитии социальной активности молодежи и ее вовлечении в общественную и политическую жизнь.

Так, голландская система государственной молодежной политики строится на трех главных компонентах: инвестиции в профилактику молодежного и семейного неблагополучия, предупреждение социальных рисков; децентрализация молодежной политики (большие полномочия предоставлены органам местного самоуправления) вкупе с реальной, адресной и даже точечной работой с семьей и молодежью (в возрасте до 18 лет) по принципу «одна семья, один план, один координатор» [5].

Основу молодежной политики в Германии составляет межведомственный подход, в рамках которого все федеральные министерства и ведомства реализуют прямое или косвенное влияние на различные аспекты жизни молодежи, разделяют общую ответственность за достижение целевых показателей. Важный вектор государственной молодежной политики заключен в формировании у немецкой молодежи уверенности в будущем посредством создания равных возможностей, активного вовлечения в жизнь общества, реализации огромного количества целевых программ и проектов развития. Так, в 2016 году реализовывалось 42 программы и проекта по самым разным проблемным аспектам: правовое просвещение, профилактика правонарушений, развитие спорта, интеграция беженцев, политическое образование, профессионализация и другие.

Молодежная политика в Норвегии признана одной из самых успешных в мире. Она имеет мощное финансовое обеспечение и является частью общей национальной политики. При этом каждое направление деятельности государства, будь то здравоохранение, занятость, образование, культура и другие, имеет интегрированный раздел для детей и молодежи. Ключевым вопросом молодежной политики Норвегии выступает благосостояние и условия жизни детей и молодежи[6].

В связи с вышеизложенным российским разработчикам и исполнителям мероприятий государственной молодежной политики необходимо овладеть искусством извлекать уроки государственного влияния на молодежь как из исторического опыта своей страны, так и из передового зарубежного опыта. Альтернативой этому служат дальнейшая потеря доверия молодежи к родному государству и поиски ею жизненных путей за его пределами.

Проблемы молодежи и их социальные последствия

Анализ актуальных проблем, волнующих молодежь, позволяет выделить и ряд ключевых социальных последствий для ее личностного и общественного развития, возникших в силу дисфункциональности

4 Индексы и индикаторы человеческого развития. Доклад программы развития ООН: http://hdr.undp.org

5 Evaluation of the Youth Act: http://www.youthpolicy.nl

6 Country sheet on youth policy in Germany; Country sheet on youth policy in Norway: https://pjp-eu.coe.int

управленческих решений и действий. Они негативно отражаются прежде всего на состоянии и поведении различных социальных групп молодежи и несут немалые риски и угрозы для государства. Множественные факторы риска в социальном развитии молодежи детерминированы отсутствием возможностей для самореализации на территории проживания в трудоустройстве, получении дохода, ведении бизнеса, улучшении жилищных условий и другого. Авторитетный ученый в сфере социологии молодежи Ю.А. Зубок, подчеркивая негативный характер изменений в молодежной среде, отмечает, что «уже перечень этих показателей позволяет судить о реальных «болевых точках» в процессе развития, на которых следует сосредоточить внимание при планировании государственной молодежной политики» [Зубок, 2007. С. 237].

Важнейшим показателем государственной молодежной политики в регионах России является миграционный отток молодежи с территорий своего проживания. Он отражает неудовлетворенность уровнем комфортности среды, качеством профессионального обучения и последующего трудоустройства с достойной зарплатой и условиями труда; доступностью жилья и возможностями для самореализации и развития. Все остальное, не умаляя его значимости, – вторично. На наш взгляд, это относится к «инвестиционным портфелям» и «преференциальным налоговым режимам», «дальневосточному гектару» и «территориям опережающего социально-экономического развития» на Дальнем Востоке. Молодежь будет стремиться оставаться на территории и реализовывать свой инновационный, интеллектуальный, образовательный, трудовой и прочие потенциалы там, где для этого есть благоприятные условия. Однако, как свидетельствуют результаты многочисленных исследований, в представлениях молодежи эти условия не отрефлексированы, они не удовлетворяют ее по тем или иным причинам, и она стремится покинуть эту территорию. Можно по-разному относиться к этим ценностно-мотивационным состояниям сознания и социальным практикам миграционного поведения молодежи, но они не коррелируют с сущностным смыслом государственной молодежной политики и их невозможно «перекрыть» другими направлениями и мероприятиями. Главным показателем молодежной политики в российских регионах, их городских и сельских поселениях может быть только осознанное и интегральное желание и готовность молодежи жить, учиться и работать, создавать успешные семьи на своей малой родине.

Согласно результатам исследования Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, «точки притяжения миграционного потока – это Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. Больше всего переселенцев едут в Москву (миграционный прирост в 2016 году составил 83,3 тыс. человек), Санкт-Петербург (43,8 тыс. человек) и Краснодарский край (42 тыс. человек). Привлекательны также и Московская, Ленинградская, Калининградская, Воронежская, Новосибирская области, Севастополь. Самый массовый отток населения характерен для Северного Кавказа, Дальнего Востока, Поволжья и Сибири»[7]. Масштабный миграционный отток молодежи из регионов страны и ее концентрация преимущественно в столичных центрах притяжения свидетельствует о неравных условиях и возможностях для самореализации, острых проблемах развития малых и средних городов и сельских поселений, растущем дефиците молодых специалистов в различных сферах экономики.

Главные миграционные тенденции у молодежи Дальнего Востока России

Анализ данных органов государственной статистики и результатов исследования социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС подтверждает общероссийские тенденции, актуализируя проблему масштабного миграционного оттока молодежи с территории Дальнего Востока России. Так, по состоянию на 1990 год на территории Дальнего Востока проживало 8,05 млн человек, из которых 1,96 млн – молодежь в возрасте 15–29 лет. За почти три десятилетия Дальний Восток «потерял» практически 2 млн человек (в 2018 году здесь проживало около 6,2 млн человек), из которых молодежи в возрасте 15–29 лет – около 1,15 млн человек. Как подчеркивает известный дальневосточный демограф Е.Л. Мотрич, «миграция стала лидирующим фактором в сокращении численности населения Дальнего Востока, ухудшая демографическую обстановку» [Мотрич, 2007. С. 72]. Данные статистического анализа свидетельствуют о более интенсивных «потерях» (практически в два раза) молодежи в сравнении с населением в целом (**таблица 2**).

Статистический анализ изменения доли молодежи в возрасте 15–29 лет в структуре населения Дальнего Востока России за последние три десятилетия свидетельствует о следующих негативных тенденциях[8]:

– социально-демографическая и инновационная привлекательность Дальнего Востока России продолжает снижаться за счет сокращения доли молодежи в структуре населения, которая пока еще сохраняет ее некоторое большинство (18,6 %) над общероссийским показателем (17,2 %). При

7 Россия: Массовая внутренняя миграция угрожает будущему страны: https://inosmi.ru/social/20171016/240526196.html

8 См.: *Березутский Ю.В.* Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики. *Власть и управление на Востоке России*. 2019. №1 (86). С. 116–118.

Таблица 2. Динамика изменения доли молодежи и доли населения в целом по субъектам РФ Дальневосточного федерального округа[1] и России в целом к 2018 году по сравнению с 1990 годом

Table 2. Dynamics of changes in the share of youth and the share of the population in general in the subjects of the Far Eastern Federal district and Russia as a whole by 2018 compared to 1990

Территория	«Потери» молодежи 15–29 лет, %	«Потери» населения в целом, %
Россия в целом	20,4	0,5
Дальний Восток в целом	41,6	23,4
Республика Саха (Якутия)	25,1	13,2
Камчатский край	54,8	33,8
Приморский край	39,3	16,7
Хабаровский край	36,5	18,0
Амурская область	42,8	24,3
Магаданская область	74,6	63,1
Сахалинская область	51,2	31,3
Еврейская автономная область	42,0	25,8
Чукотский автономный округ	76,3	69,6

Источник: составлено авторами на основе данных сайта государственной статистики «ЕМИСС»: https://fedstat.ru

1 Анализ проводился в период до подписания Указа Президента РФ от 3 ноября 2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» о включении в состав Дальневосточного федерального округа Республики Бурятия и Забайкальского края.

этом процесс сокращения доли молодежи в структуре населения Дальнего Востока России идет более интенсивно (на 5,8 %), чем в среднем по России (на 4,3 %);

– статистический анализ показал радикальную деформацию социальной структуры дальневосточного социума за последние три десятилетия по возрастному показателю. Так, если в 1990 году молодежи на Дальнем Востоке России было в 2,3 раза больше, чем пенсионеров, то в 2018 уже стало в 1,2 раза больше пенсионеров, чем молодежи;

– наибольший отток молодежи за 1990–2018 годы произошел из Чукотского автономного округа (76,3 %), Магаданской области (74,6 %), Камчатского края (54,8 %). Минимальный отток молодежи (25,1 %) наблюдается из Республики Саха (Якутия).

Результаты региональных исследований социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС не выявили «революционных» предложений от молодежи в отношении того, что ей нужно для того, чтобы «сдерживать» свои миграционные устремления. Все предложения достаточно известны и в значительной степени «избиты», что свидетельствует лишь об одном – они самые важные и значимые для молодежи. Их дальнейшее игнорирование государственной политикой и бизнесом будет способствовать и без того высокому миграционному оттоку молодежи с территории Дальнего Востока России.

Молодежное предпринимательство: неизбежное или необходимое

По данным опросов и фокус-групповых интервью, молодежь ожидает от государства решения трех наиболее важных для нее проблем: реального повышения уровня жизни (рост реальных доходов и достойной оплаты труда), выбора квалифицированных рабочих мест и возможностей для содержательного досуга. Основными путями достижения желаемого молодежью материального благополучия является: 1) обеспечение государством реального роста заработных плат в бюджетной сфере и 2) создание благоприятных условий для развития молодежного предпринимательства. На наш взгляд, эти запросы и служат главными индикаторами для обоснования приоритетов государственной молодежной политики в стране и ее регионах.

Социологический анализ показал, что среди молодых предпринимателей в значительно большей степени, нежели в остальных социальных группах молодежи, проявляется приоритет таких важных ценностей, как материально-обеспеченная жизнь, познание, самостоятельность в суждениях и оценках, свобода в поступках, независимость, ответственность, твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями), эффективность в делах[9].

В этой связи государственную молодежную политику целесообразно скорректировать на развитие молодежного предпринимательства, которое не только формирует у молодежи мировоззрение, качества и способности, позволяющие ей достигать личных целей в самореализации, но и становиться успешным, иметь материальный достаток. При этом результатом является и реализация важных социальных и экономических функций: создание рабочих мест и пополнение бюджетов разных уровней, производство товаров и услуг, повышение уровня и качества жизни местного

9 Исследование «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития» выполнен в 2019 году социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по заказу Комитета по молодежной политике Правительства Хабаровского края. Научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент Ю.В. Березутский. Проведено 45 фокус-групп с семью группами молодежи: «школьники», «студенты», «творческая молодежь», «работающая молодежь», «семейная молодежь», «социально-активная молодежь» и «молодые предприниматели». Фокус-группы проведены в пяти населенных пунктах Хабаровского края: городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, поселках Ванино и Чегдомыне и в селе Переяславка.

сообщества. По мнению молодежи, главным целевым показателем (индикатором) эффективности реализации этого направления государственной политики целесообразно предложить показатель «количество зарегистрированных молодых предпринимателей в регионе (стране), действующих более одного года».

Эмиграционные настроения как индикатор возможностей для самореализации молодежи

В современных условиях для российских регионов актуализировался не менее значимый показатель – это эмиграционные настроения и реальный поток выбывающей за рубежи страны молодежи. Он индикатирует представления, доминирующие у части молодежи, об отсутствии или ограниченности у них возможностей для реализации своего потенциала не только на территориях проживания в регионах, но и в российском обществе в целом. Анализ свидетельствует, что чем выше данный показатель, тем меньше молодежь оценивает возможности самореализации в стране. Так, согласно результатам социологического опроса АНО «Левада-Центра» (декабрь 2018 года), «молодые респонденты в возрасте от 18 до 24 лет в два раза чаще показателя по выборке в целом заявляли о своем желании уехать за границу на постоянное место жительства: 41 % против 17 % соответственно. При этом эмиграционные настроения в большей мере были характерны для респондентов, которые хотели бы активнее участвовать в политике (24 % против 14 % среди дистанцирующихся от политической сферы), и тех опрошенных, кто не чувствовал себя под защитой закона (21 % против 10 %)»[10]. Дальневосточная молодежь также декларирует высокую степень эмиграционных настроений, о чем свидетельствуют данные фокус-группового исследования: *«... Уехать, очень далеко, за границу, там друзья зовут, сейчас учу язык, у меня цель такая», «...доучиться здесь, потом хотел во Владивосток, там отработать какое-то время и потом из России вообще уехать, потому что ничего не меняется», «... не хочу растить детей своих здесь»*[11].

Заключение

Таким образом, социологический и статистический анализ показал, что молодежная политика, реализуемая «Росмолодежью» как главным координатором взаимодействия всех структур государства и общества, в большей степени концентрируется не столько на выработке и реализации государственного политического влияния на социальные и профессиональные группы молодежи, сколько на организации разноплановых мероприятий по широкому кругу значимых, но не приоритетных для молодежи, направлений. При этом их ключевыми показателями определены сугубо количественные, а не качественные результаты вовлеченности молодежи в те или иные мероприятия. Одновременно практически не учитывается влияние этих количественных показателей на состояние молодежи, решение ее основных проблем. Как следствие, главная претензия молодежи к реализации государственной политики заключается в том, что она не ориентирована на создание условий для решения актуальных проблем молодежи. В этом и заключен главный парадокс молодежной политики в современной России.

10 Эмиграционные настроения. Результаты социологического опроса: https://www.levada.ru/2019/02/04

11 Исследование «Оценка мнения дальневосточников о жизни и перспективах развития на Дальнем Востоке России» выполнено в 2018 году по заказу ФАНУ «Востокгосплан» коллективом социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС. Научный руководитель – Ю.В. Березутский. Проведена 21 фокус-группа (из которых девять – молодежных) в четырех дальневосточных субъектах РФ (Хабаровский край, Приморский край, Амурская область, Сахалинская область) в девяти городах с общим количеством участников 199 человек: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток, Находка, Уссурийск, Благовещенск, Белогорск, Южно-Сахалинск, Холмск.

Литература

Барциц И.Н. Социальная эффективность государственного управления: модели, критерии, российский опыт внедрения. *Проблемы управления* (Минск). 2011. № 1(38). С. 93–98.

Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 237 с.

Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 579 с.

Мотрич Е.Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. *Уровень жизни населения регионов России*. 2007. № 2(204). С. 70–77.

References

Bartsits I.N. Social efficiency of public management: models, criteria, Russian experience of implementation. *Problems of management* (Minsk). 2011. No. 1(38). P. 93–98. In Russian

Ilyinsky I.M. Youth and youth policy. Philosophy. History. Theory. Moscow: Golos, 2001. 579 p. In Russian

Motrich E.L. Assessment of the migration situation in the Far East of Russia: 1991–2016. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2007. No. 2(204). P. 70–77. In Russian

Zubok Y.A. Phenomenon of risk in sociology: the experience of youth research. M.: Mysl, 2007. 237 p. In Russian